

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227-7951-2019-11-41-56

О.Ю. ГЛУХОВА

ДИАЛОГ КУЛЬТУР «ЗАПАД – ВОСТОК». ПРОБЛЕМА МЕТАКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

***Аннотация:** Целью данной статьи является концептуализация понятия метакультурной идентичности в контексте цивилизационного дискурса в эпоху глобального диалога культур Востока и Запада. В статье современные западные, восточные и отечественные ученые формулируют свои представления по проблемам цивилизационной идентичности и культурных ценностей, вступая в многостороннюю дискуссию. Восточная (на примере китайской), западная и российская цивилизационные идентичности рассматриваются в едином социокультурном пространстве. В заключение делаются выводы о качественном своеобразии метакультурной идентичности и ее значении для российской цивилизации.*

***Abstract:** The purpose of this article is to conceptualize the notion of metacultural identity in the context of civilizational discourse in times of the global cultural dialogue between the East and the West. In the article, modern western, eastern and Russian scientists formulate their ideas on the problems of civilizational identity and cultural values, entering a multilateral contest. Eastern (illustrated by Chinese), western and Russian civilizational identities are considered in a common socio-cultural space. In the completion of the article are offered the conclusions on the unique qualities of the metacultural identity and its significance to the Russian civilization.*

***Ключевые слова:** глобализация, диалог культур, культурная идентичность, цивилизационная идентичность, метакультурная идентичность, Запад, Китай, Россия.*

***Keywords:** globalization, dialogue of cultures, cultural identity, civilizational identity, metacultural identity, West, China, Russia.*

***Цивилизационная идентичность в эпоху диалога культур.** В век глобализации понятие диалога культур становится все более востребованным в*

разных областях научного и философского знания: культурологии, социологии, политологии, педагогике, философии культуры, социальной философии и др. Это весьма широкое понятие, которое в разных контекстах может использоваться для описания и объяснения различных феноменов, начиная от языковых заимствований для новых технологий, продуктов питания, моды и заканчивая современным переосмыслением исторических достижений философской и художественной мысли разных народов.

С развитием международного транспортного сообщения и всемирной сети коммуникаций географические границы культур совпали с границами человечества. Культуры народов Европы и Америки, обобщенно именуемых Западом, пришли в соприкосновение с далекими самобытными культурами народов Востока: Ближнего и Дальнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии, Северной Африки. Сегодня западные страны все больше узнают об образе жизни, культурных традициях и философском наследии Востока, равно как и восточные страны получают представление о традициях и образе жизни Запада.

Уровень жизни Западной Европы и США, на порядок более высокий, чем во многих других странах мира, все чаще представляется вполне достижимым идеалом для всего мира. Традиционные ценности разных культур начинают переосмысливаться и переоцениваться в соответствии с «западными образцами потребительского общества»; при этом не принимается во внимание тот факт, что «рост благосостояния людей в экономически развитых обществах связан с постоянным повышением уровня энергопотребления... если бы в наше время все человечество перешло на тот уровень энергопотребления на душу населения, который реализован в США, то уже освоенные и разведанные на сегодня энергоресурсы были бы исчерпаны буквально на протяжении жизни одного поколения»⁸⁶. Кроме того, вместе с ростом энергопотребления увеличивается и нагрузка на окружающую среду: «Если мысленно предположить, что все человечество реализовало бы стандарты потребления развитых стран Запада, то экологическая катастрофа произошла бы за считанные годы»⁸⁷.

Стремление копировать западные культурные образцы, трансформация жизненных ценностей — все это поднимает вопрос о культурной идентичности и цивилизационной идентичности в эпоху глобального диалога культур. Существует огромное множество определений поня-

⁸⁶ *Степин В.С.* Проблема ценностей в контексте диалога культур // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12-13 мая 2011 г. Т. 1: Доклады. — СПб.: СПбГУП, 2011. — С. 154.

⁸⁷ Там же.

тия культурной идентичности, но все они объединены тем, что основываются на более широких понятиях выбора и самоотождествления: с теми или иными традициями и обычаями, религией, языком, нормами и ценностями, идеологией, правилами поведения, образом жизни и т.д. Соответственно, цивилизационная идентичность определяется через понятие цивилизационного выбора и соотносится с идеей существования цивилизаций: «больших общностей, привязанных к определенным географическим ареалам и выступающих носителями культурных стилей и социальных практик... претендующих на универсальную, всемирную значимость»⁸⁸.

Идея существования таких общностей изначально была подробно разработана в трудах Н.Я. Данилевского и А. Тойнби, и на сегодняшний день утвердилась в виде представления о нескольких современных цивилизациях. Так, Ю.М. Резник, вслед за В.Л. Цымбурским, выделяет следующие современные цивилизации: западную (североатлантическую), исламскую, индийскую, китайскую, японскую и российскую. Наибольшая приверженность человека культуре и ценностям какой-либо из этих цивилизаций определяет его цивилизационную идентичность.

Таким образом, все более широко распространяющийся выбор в пользу западных культурных ценностей говорит о нарастающей тенденции сохранения одной-единственной, западной идентичности и постепенного ухода с мировой сцены остальных типов идентичности. О возможных экологических и иных последствиях этих процессов уже было сказано ранее.

Культурно-цивилизационные вызовы и ответ Китая. Можно утверждать, что в условиях массовой коммуникации и глобального диалога культур географические ареалы распространения той или иной культуры теряют принципиальное значение, и культурные ценности и образцы начинают распространяться без привязки, по образному выражению В.С. – Степина, к «неорганическому телу цивилизации»⁸⁹, т.е. к объектам предметного мира, материальным благам, таким, как предметы одежды, предметы быта и продукты питания, – ко всему, кроме, естественно, самих технических устройств глобальной коммуникации и необходимого ресурсного обеспечения. Поэтому на «материальном» плане единственным способом «вернуть» западную идентичность в рамки своего первоначального географического ареала был бы способ технического ограничения

⁸⁸ Резник Ю.М. Человек и его цивилизационная идентичность (введение) // Вопросы социальной теории. – 2018. – Т. X. – С. 10.

⁸⁹ Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 32.

коммуникации, вплоть до блокировки целых доменных зон в Интернете и жесткого контроля над телевизионной продукцией.

Использование указанного способа могло бы, на первый взгляд, показаться нецелесообразным и даже неосуществимым. Однако именно такой путь сохранения идентичности избрала для себя, например, китайская цивилизация. Непосредственно на территории Китая заблокированы многие популярные во всем мире Интернет-сайты, являющиеся на сегодня основными каналами трансляции культурных образцов: международные социальные сети и их аналоги, такие как Facebook, Twitter, Instagram, популярнейший в мире видеохостинговый сервис YouTube; периодически блокируются отдельные статьи или весь ресурс Википедии (вместо них в стране успешно функционируют всекитайская социальная сеть Weibo, видеохостинг Youku и даже универсальная энциклопедия Hudong). Все эти и другие мероприятия осуществляются в рамках китайского проекта информационной безопасности «Золотой щит» и предназначены для защиты пользователей от вредоносной информации, идущей с «платформ западного происхождения»⁹⁰.

Однако дальнейшее развитие представлений о материально-техническом управлении культурными процессами, применение их к более общим проектам национальной безопасности незаметно подменяет идею такой защиты от «вестернизации» («западной глобализации») идеей «истернизации»⁹¹. Последовательное теоретическое обоснование этой стратегии можно найти у многих китайских философов и геополитиков современности, например у Чжана Вэньму. Известный теоретик глобализации, цивилизационной идентичности, геостратегии и международных отношений, Чжан Вэньму в своих работах развивает идею зависимости культурных ценностей от материальных ресурсов, распространяя ее на природные ресурсы вообще (в том числе энергетические, водные ресурсы и др.). Поскольку ни одна цивилизация не стоит на месте и ни одна культура не останавливается в развитии, постольку каждой цивилизации необходимо все больше природных ресурсов для своего существования, для реализации своего «права на развитие»⁹². Возможности развития, в принципе, безграничны, тогда как ресурсы ограничены, поэтому необ-

⁹⁰ Сюй В. Российско-китайское сотрудничество и информационная безопасность в новую интернет-эпоху // Международная жизнь. Специальный выпуск: Россия и информационная безопасность. – 2017. – №13. – С. 146.

⁹¹ Этот термин приобретает все большую популярность после выхода в свет публикации Rachman G. *Easternisation: War and Peace in the Asian Century*. – London: Bodley Head, 2016. – 288 p.

⁹² Мигунова О.В. Чжан Вэньму: философия на острие ножа // Общество и государство в Китае. 44-я научная конференция. Т. XLIV. Ч. 1. – М.: ИВ РАН, 2014. – С. 311.

ходим «принципиальный передел возможностей доступа к мировым сырьевым ресурсам в пользу Китая»⁹³. Глобализация, заявляет ученый, «выгодна только при условии, что рычаги власти будут находиться в твоих собственных руках»⁹⁴. Культура же, продолжает он, закономерно сопровождает этот процесс «применения китайской стратегии», является «контекстом» стратегической силы⁹⁵.

Называя вещи своими именами, сами китайские исследователи все чаще применяют к таким направлениям мысли термин «историко-географический материализм»⁹⁶. Нетрудно предположить, что реализация на Востоке этих или подобных идей регулирования культурных процессов с «материального» уровня, идей «истернизации», мало чем будет отличаться от современной «вестернизации», в т.ч. по своим экологическим и культурно-цивилизационным последствиям.

Еще один известный китайский теоретик цивилизационной идентичности, Жуань Вэй, тоже рассматривает культурные ценности и культурно-хозяйственный уклад жизни народов в неразрывной связи с их географическими ареалами, но при этом не преувеличивает значение экономической политики и ресурсной экономики. В основе концепции Жуань Вэя лежит категория «геоцивилизации», подчеркивающая связь цивилизационной идентичности с географической локализацией в самом широком понимании последней (не только с сырьевыми ресурсами, но и с ландшафтом, климатом и всем, что составляет понятие природной среды). Образно говоря, концепция Жуань Вэя является расширенным и логически завершенным вариантом концепции Чжана Вэньму, но распространяет материальную обусловленность культурных процессов на весь мир «десяти тысяч вещей»⁹⁷. Однако парадоксальным образом данная концепция приводит философа к совершенно иным выводам относительно необходимой сущности «китайской стратегии».

Прежде всего, Жуань Вэй обращает внимание на тот факт, что культурная общность, «духовное сродство» людей, живущих в нескольких географических регионах, общий для этих регионов «культурный ген», который позволяет говорить об отдельных цивилизациях, передается только

⁹³ Там же.

⁹⁴ Цит. по: Мигунова О.В. Указ. соч. – С. 312.

⁹⁵ Там же. – С. 313.

⁹⁶ Мигунов Н.И. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума» / Н.И. Мигунов, О.В. Мигунова // Век глобализации. – 2017. – № 2. – С. 20-36.

⁹⁷ В китайской традиции число десять тысяч является символом неисчислимости; выражение «десять тысяч вещей» обозначает все сущее в материальном мире.

между соседними регионами. Поэтому географическое положение регионов, их неизбежное соседство друг с другом определяет своего рода их общую «географическую судьбу», намечает неподвластный никаким стратегиям сценарий развития этих «геоцивилизаций».

Глобализация, с такой точки зрения, тоже может считаться предопределенным явлением, поскольку исторически все регионы так или иначе связаны между собой и, в конечном счете, «ни одна цивилизация не является чистой цивилизацией»⁹⁸. Такие социально-культурные явления современности, как возникновение Евросоюза или формирующаяся «Большая Восточная Азия», на самом деле являются не чем иным, как шагом человечества на пути к одной глобальной цивилизации, к «надцивилизационному» сотрудничеству. В основе «надцивилизационной» идентичности человека «эпохи глобализации, когда внутри тебя есть я, а внутри меня есть ты»⁹⁹, будут лежать не западные или восточные, а общечеловеческие культурные ценности: свобода, равенство, права человека, социальная справедливость и т.д.

Запад в поисках цивилизационной идентичности: сопоставление с китайским опытом. Описанному оптимистичному в целом взгляду на проблему идентичности в эпоху глобального диалога культур можно противопоставить другую точку зрения, связывающую решение проблемы культурной идентичности не с «материальным» распределением ресурсов или географическими границами цивилизаций, а с духовными поисками, свободой выбора и достижением целей.

З. Бауман, ссылаясь на известных американских, французских, немецких, польских и других западных исследователей, рассуждает о нынешней «зыбкости всех возможных точек отсчета» при выборе человеком культурных ценностей, о калейдоскопе ценностей и постоянной примерке на себя то одного, то другого типа идентичности. Так, З. Бауман, развивая мысль теоретика эго-психологии Э. Эриксона о «кризисе идентичности», распространяет ее на каждого человека эпохи глобализации и говорит об отсутствии у современного человека чувства единения с кем-либо или чем-либо, чувства определенности и преемственности. Если здесь и можно говорить о каких-либо общих ценностях — «метаценностях» — так только о свободе выбора в условиях расплывающихся рамок¹⁰⁰.

Упрощая картину, можно сказать, что в условиях диалога культур Восток в наибольшей степени обеспокоен сохранением своих культурных

⁹⁸ Цит. по: Мигунов Н.И. Указ. соч. — С. 26.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2005. — С. 186.

ценностей и поиском средств для достижения этой цели, тогда как Запад – поиском самих культурных ценностей и целей: для западного общества «XX век ознаменован перепроизводством средств; они производились с неуклонно нарастающей скоростью, обгоняя любые известные потребности... избыток средств провоцировал поиск целей, которым они могли бы послужить»¹⁰¹.

Можно продолжить рассуждения З. Баумана и Э. Эриксона об идентичности как об изменчивом психологическом состоянии и использовать термин «субъектность», пришедший из психологии. Основу всех определений субъектности составляет ее характеристика как совокупности личностных качеств человека, имеющих значение для осуществления им какой-либо деятельности. В основе западного типа субъектности лежат личностно-ориентированные цели и ценности, ориентация на удовлетворение насущных потребностей каждого человека, обеспечение его материального благополучия «здесь и сейчас» и его уверенности в завтрашнем дне, а также возможностей для его самовыражения и самореализации. В основе восточного типа субъектности лежат неличностно-ориентированные (межличностно-, социально-, природно- и космически-ориентированные) культурные ценности, межличностное и социальное согласие, деятельность, направляемая чувством долга и ответственности, духовное служение и подвижничество, общение с природой и богосотворчество¹⁰².

Руководствуясь своими культурно-цивилизационными ценностями, Запад к настоящему времени достиг небывалого экономического подъема, высокого уровня жизни и материального благополучия человека, высокого уровня доходов и потребления на душу населения – но вместе с тем пришел и к чувству социальной разобщенности¹⁰³, отсутствия точки опоры, бесконечным духовным исканиям и утрате идентичности. В этой связи З. Бауман считает возможным говорить уже не об идентичности, а о процессе «идентификации, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Там же. – С. 184-185.

¹⁰² Ю.М. Резником предлагается более детальная классификация и терминология для обозначения различных типов субъектности в соответствии с цивилизационной идентичностью человека: так, западной цивилизации соответствует эго-субъектность, арабо-исламской цивилизации – дуальная субъектность, китайско-конфуцианской и японской цивилизации – коллективистская субъектность, индийско-индуистской цивилизации – абсолютная субъектность (от значения слова «Абсолют», Божество), российской цивилизации – всесубъектность. Подробнее см.: Резник Ю.М. Указ. соч. – С. 12-13.

¹⁰³ Или, по образному выражению Х. Арендт, «социальной атомизации».

¹⁰⁴ Бауман З. Указ. соч. – С. 192.

Такая незавершенность и нестабильность является, по мнению И. Валлерстайна и Э. Балибара, плодородной почвой для всякого рода манипулирования общественным мнением, навязывания ценностей и «принудительной идентификации»¹⁰⁵. Самой безобидной формой «принудительной идентификации», со всей очевидностью, можно считать рекламу продуктов легкой промышленности, пищевой и фармацевтической промышленности, изображающую обладание тем или иным товаром едва ли не как достижение человеком предела всех мечтаний.

Самой же грозной и опасной формой «принудительной идентификации», по справедливому утверждению Э. Балибара, можно считать пропаганду нацизма и расизма, дающих чувство сосредоточенности на общезначимой цели, но в действительности служащих интересам правящей элиты и, в конечном счете, подрывающих последние опоры социального единства¹⁰⁶.

И. Валлерстайн добавляет к этому описание скрытых форм «принудительной идентификации», необходимых, например, для поддержания капиталистических ценностей в западном обществе, опять же в интересах правящей элиты: для постоянного осознания себя как рабочей силы человеку должны быть заданы определенные нормы поведения, которые не передаются генетически. Поэтому такого человека необходимо «конструировать», продуманно наделяя «особым набором профессиональных установок»¹⁰⁷. Как правило, такие искусственные установки осознаются человеком как неотъемлемая часть его личности и не подвергаются сомнению, поскольку прививаются с детских лет родителями в процессе социализации (например, такие установки часто осознаются человеком как часть его этнической идентичности).

Зато такие установки быстро подвергаются сомнению и отторжению при попытках навязать их восточному сознанию в ходе диалога культур, который в этом случае было бы уже правильной назвать «столкновением цивилизаций». Возвращаясь к примеру Китая, экономическая система которого, по сути, давно функционирует на рыночных принципах, следует отметить, что официально он идентифицирует себя с социалистическими ценностями и называет это «социализмом с китайской спецификой». Отличие «социалистических идей с китайской спецификой» от идей капиталистических весьма простое: китаец не эксплуатирует китай-

¹⁰⁵ Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн; Пер. с фр. под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. – М.: Логос, 2004. – С. 68.

¹⁰⁶ Там же. – С. 68, 76.

¹⁰⁷ Там же. – С. 100.

ца и не использует его в качестве рабочей силы, а «покровительствует и помогает ему заработать на существование» для себя и своей семьи, как делают и все другие китайцы, которые, таким образом, есть одна большая семья. Если у кого-то скопился излишек «средств к существованию», то эти средства обязательно будут использованы по назначению, т.е. на благо Китая как одной большой семьи (хотя бы и в самом отдаленном будущем).

Какая принципиальная разница, будет ли китайская идентичность основываться на отождествлении с семьей, идеях справедливости и равенства, или на отождествлении с идеями неравенства, угнетения и всеобщей конкуренции? С. Хантингтон объясняет, что «культурная общность стимулирует развитие экономических связей»¹⁰⁸, которые, в свою очередь, оказываются гораздо выгоднее, чем единоличная конкуренция. Раскинувшаяся по всему миру «бамбуковая сеть» личных и семейных отношений, заведомая склонность к доверию и преданности человеку той же этнической принадлежности, говорящему на том же языке и разделяющему те же культурные ценности, — все это способствует тому, что культура и личные связи «превращаются в капитал»¹⁰⁹: имеющиеся у одного «члена семьи» капиталы без обременительных условий инвестируются в подконтрольную другому «члену семьи» сферу производства или услуг и максимально быстро дают прибыль и новые капиталы. Конечно, понимаемая таким образом китайская идентичность по-прежнему подвергается многочисленным нападкам с Запада, но она уже выдержала проверку временем — и, надо ожидать, благодаря объединяющим китайскую цивилизацию культурным ценностям при необходимости выдержит такую проверку еще неоднократно.

Другое видимое противоречие, в котором можно было бы упрекнуть китайскую цивилизацию, — это противоречие между ее природно-ориентированными культурными ценностями и все большей потребностью в средствах для дальнейшего развития. Однако Китай не видит в этом противоречия и в качестве ответа на экологические вызовы предлагает развитие «чистой» энергетики (гидро-, ветро-, био- и солнечной энергетики). Благодаря массовому выводу из эксплуатации угольных электростанций и внедрению технологий «зеленой энергетики» уже более трети всех энергоресурсов на территории Китая стало возобновляемыми «зелеными» энергоресурсами¹¹⁰. В 2017 г. общий объем инвестиций в уголь, нефть

¹⁰⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — С. 263.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Перцова В. Сила ветра и солнца. «Чистая» энергетика Китая стала мощнее всей российской электроэнергетики [Электронный ресурс] // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/352569-sila-vetra-i-solnca-chistaya-energetika-kitaya-stala-moshchnee-vsey-rossiyskoy> (обращение — 14.04.2019).

и газ уступил объему капиталовложений в возобновляемые источники энергии¹¹¹, а по динамике ввода в эксплуатацию технологий солнечной энергетики Китай занял первое место в мире¹¹².

Итак, можно утверждать, что даже если западные ценности в эпоху глобализации и диалога культур влияют на культурно-цивилизационную идентичность Востока (на примере Китая), то они могут быть отчасти ассимилированы и преобразованы влиянием упомянутых «неличностных» ориентаций «геоцивилизации», надежной точкой опоры для которой здесь в перспективе считается вся планета вместе с ее населением. Что же касается западной идентичности, можно повторить, что она находится в непрестанных поисках точки отсчета, пытаюсь нащупать ее либо в одиноких духовных исканиях, либо в не менее одиноких попытках изобретения новых потребностей для освоения уже имеющихся ресурсов. Вероятно, в недалеком будущем Запад в диалоге с Востоком найдет для себя новые духовные ориентиры, так же как Восток в общении с Западом нашел для себя образец материального благополучия человека.

Россия между Западом и Востоком: к вопросу о метакультурной идентичности. Вопрос о российской цивилизационной идентичности в настоящее время является открытым и широко обсуждается. Сложно было бы поспорить с тем, что в условиях (вспомним Жуань Вэя) «соседства» с западной цивилизацией, с одной стороны, и «восточными» цивилизациями, с другой, «географической судьбой» российской цивилизации будет — всегда находиться под перекрестным влиянием разных культур, ценностей, норм и социальных практик. По этой причине С. Хантингтон называет российскую цивилизацию одной из «колеблющихся» цивилизаций¹¹³, а отечественные исследователи в этой связи все чаще иронизируют на тему государственной символики двуглавого орла и «неопределенных цивилизационных денотаций»¹¹⁴ этого символа, допускающих, в том числе, интерпретацию, что Россия смотрит одновременно на Восток и на Запад.

¹¹¹ Zheng S. *China Flips the Switch on World's Biggest Floating Solar Farm* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2096667/china-flips-switch-worlds-biggest-floating-solar-farm> (обращение — 14.04.2019).

¹¹² Woo R. *China's Solar Power Capacity More than Doubles in 2016* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-solar/chinas-solar-power-capacity-more-than-doubles-in-2016-idUSKBN15J0G7> (обращение — 14.04.2019).

¹¹³ Хантингтон С. Указ. соч. — С. 284.

¹¹⁴ Николаева Е.В. В поисках утраченной идентичности: Россия в пространстве массовых коммуникаций // Стратегии России в историческом и мировом пространствах. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 5 июня 2009 г.) / Под ред. С.С. Сулакшина и др. — М.: Научный эксперт, 2009. — С. 333.

Обобщенно характеризуя российскую цивилизационную идентичность, философы все чаще употребляют термины «гибридная» или «смешанная». В разных контекстах смысловые оттенки значений этих терминов могут различаться, но в целом данные термины являются синонимами и означают, что субъектность русского человека «собрана» из разных фрагментов: «западного» поиска жизненных целей и «восточного» сознания отсутствия средств, памяти об унифицирующей советской идеологии¹¹⁵ и признания этнокультурного многообразия, приверженности традиционному православию и интереса к новым религиозным движениям. Все рекомендации и прогнозы по поводу дальнейших изменений российской цивилизационной идентичности можно свести к трем основным направлениям.

Первое направление утверждает, что «смешанная» идентичность является внутренне противоречивой и что для дальнейшего культурного и социального развития России необходимо определиться со своими культурно-цивилизационными, политическими, религиозными и иными предпочтениями: Восток или Запад? национализм или космополитизм? православное христианство или научный атеизм? Дdiamетрально противоположные предпочтения не могут между собой уживаться, поэтому сегодня находится все больше апологетов «единственно верных» культурных ценностей, политических традиций или религиозных учений.

Ко второму направлению можно отнести тех исследователей российской идентичности, которые уделяют наибольшее внимание терминам с приставками «поли-» и «мульти-» и соответствующим концептам: мультикультурализм, полиэтничность, поликонфессиональность. С точки зрения этих исследователей, российская идентичность — это собирательное название для множества групповых или индивидуальных идентичностей, мирно сосуществующих на параллельных векторах исторического развития.

Третье направление исследований российской идентичности является наименее разработанным, но по имеющимся на сегодня результатам

¹¹⁵ Например, «Манифест Коммунистической партии» сегодня все чаще вспоминается в контексте глобализации и ее значения для России; пересматриваются рассуждения К. - Маркса и Ф. Энгельса о том, что все большее противостояние между классами закономерно вызывает все большую сплоченность внутри класса, приобретающую планетарный размах; проводятся параллели между тем, как железные дороги в свое время способствовали взаимодействиям внутри рабочего класса, и тем, как современные средства связи способствуют межкультурному и межнациональному взаимодействию, когда «плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием» и «национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными...» См.: *Маркс К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К. Сочинения. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1955. — С. 428.*

представляется наиболее перспективным. Развивая геометрические аналогии, можно сказать, что, в отличие от расходящихся векторов внутренней противоречивой идентичности или параллельных векторов мультикультурной идентичности, здесь имеют место сходящиеся идентификационные векторы, которые можно описать такими терминами как «взаимодополнительность», «сотворчество»¹¹⁶, «синтез», «космизм»¹¹⁷ и «метакультура»¹¹⁸.

В чем отличие метакультурной цивилизационной идентичности от надцивилизационной идентичности, упоминавшейся также в контексте современной китайской философии, и от метачценностей, упоминавшихся в связи с западной философией? В отличие от надцивилизационной идентичности метакультурная идентичность не апеллирует к общечеловеческим ценностям и культурным универсалиям в надежде найти некий усредненный вариант «человека вообще» или «культуры вообще». «...Всё дело в том, что общечеловеческое в разных культурах имеет свои особые интерпретации. Оно сплавлено с пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. И сама попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя как народ, этнос, социальную группу именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции»¹¹⁹.

В то же время представление о метакультурной идентичности также отличается и от западного представления о метачценностях, или точнее (еще раз вспомним З. Баумана) от представления о единственной метачценности — неограниченной свободе выбора в условиях отсутствия неизменных культурных ценностей, в условиях «расплывающихся рамок». «Метакультура выступает и представляет себя в качестве альтернативы этой тенденции стирания культурных границ. В этом отношении и со своей методической стороны метакультуру можно представить как искусство установления границ между культурными средами, где граница обозначает себя не в качестве барьера, а как место встречи культур»¹²⁰. С.Е. Ячин объясняет отличие метакультуры от любых других концептов цивилизационного дискурса следующим образом: в обыденном сознании, а также в классической науч-

¹¹⁶ Резник Ю.М. Указ. соч. — С. 13.

¹¹⁷ Степин В.С. Цивилизация и культура. — С. 267-268.

¹¹⁸ Ячин С.Е. Метакультура — место творчества личности на границе культурных сред // Вопросы социальной теории. — 2011. — Т. V. — С. 149-161; Грицанов А.А. От культуры к метакультуре: из тени в свет // Вопросы социальной теории. — 2011. — Т. V. — С. 162-169.

¹¹⁹ Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. — 2011. — №2. — С. 10.

¹²⁰ Ячин С.Е. Указ. соч. — С. 155.

ной парадигме великая идея «мета» редуцируется до незамысловатого «между», когда мерой вещей становится либо простейшее (добавим, как в случае метаченности непрерывного выбора), либо усредненное.

И в том, и в другом случае («выбора между» и «среднего между») не создается ничего принципиально нового, что означает либо стагнацию, либо деградацию. Естественно, ни один из этих процессов не встречается в социокультурной реальности в чистом виде, это научно-философская абстракция. Но в зависимости от преобладающего типа процессов (так сказать, по принципу суперпозиции для всех значимых векторов) общая тенденция социально-культурных изменений Востока (с его надцивилизационными концептами) вплоть до недавнего времени определялась как чрезмерная статичность, граничащая со стагнацией; общая же тенденция изменений на Западе до сих пор нередко характеризуется как «закат Европы» или «падение Запада».

В межличностной коммуникации «истина рождается» вовсе не в выборе между наиболее убедительными аргументами и не в замалчивании спорных вопросов и повторении того, с чем и так согласны участники коммуникации. Точно так же и в диалоге культур «Восток – Запад», развернувшемся, в том числе, на географическом пространстве России, наиболее острые вопросы современности, в частности вопросы экологии и демографии, отнюдь не должны определяться как вопросы выбора или компромисса между ценностями Востока и Запада. «Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание»¹²¹.

Именно на этих ценностях основывающаяся культура может быть именована метакulturой. «“Мета” — указывает на источник развития культуры, который находится за пределами самой культуры в творческом потенциале личности...» «Как только человек оказывается на границе культурных сред, когда он лишается возможности использовать традицию (обычай, норму) в качестве способа решения насущных задач, он вынужден проявить “инновационную” самостоятельность, которая в формальном смысле есть творчество... занять личностную (творческую, критическую, инновационную, субъектную) позицию...»¹²².

Российская цивилизация, «географической судьбой» которой как раз и стало существование «на границе культурных сред», между Западом и Востоком, может, в итоге, быть рассмотрена как идеальная социокуль-

¹²¹ Степин В.С. Цивилизация и культура. — С. 268.

¹²² Ячин С.Е. Указ. соч. — С. 150-151, 160.

турная среда для развития творческого потенциала личности, «допускающая творческий союз конкретного множества людей», ориентацию «Я — другие Я»¹²³. Российская метакультурная идентичность, которая теперь может быть обозначена терминами «всесубъектность» или «всечеловечность»¹²⁴, а не просто «гибридность» или «смешанность», может быть, таким образом, наиболее объективно изучена с учетом именно этих особенностей.

Подводя итог сказанному, обобщим основные моменты нашего рассуждения. Диалог культур «Запад — Восток», получивший в эпоху глобализации широкий размах, поднял много вопросов о культурной и цивилизационной идентичности. Для Востока, в частности, для Китая, наиболее актуальными из них стали вопросы сохранения цивилизационной идентичности, вопросы развития своей культуры в условиях влияния культурных ценностей Запада и в условиях недостатка материальных ресурсов для развития. Наиболее же острыми культурными проблемами Запада, на фоне распространении западных культурных ценностей и образцов материального благополучия по всему миру, напротив, стали проблемы обретения своей цивилизационной идентичности, которая унифицировалась и, можно сказать, обезличилась.

Российская цивилизационная идентичность, испытывающая, с одной стороны, влияние культурных ценностей Востока, и с другой, Запада, не только столкнулась с вызовами того и другого рода (отсутствие четких контуров идентичности и недостаток материальных средств для развития), но и открыла для себя новые возможности, связанные с разработкой инноваций, совместным творчеством и обретением метакультурных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балибар Э.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн; Пер. с фр. под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. — М.: Логос, 2004. — 288 с.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Изюмцева. — М.: Логос, 2005. — 390 с.
3. *Грицанов А.А.* От культуры к метакультуре: из тени в свет // Вопросы социальной теории. — 2011. — Т. V. — С. 162-169.
4. *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Маркс К.* Сочинения. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1955. — С. 419-459.
5. *Мигунов Н.И.* О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума» / Н.И. Мигунов, О.В. Мигунова // Век глобализации. — 2017. — № 2. — С. 20-36.
6. *Мигунова О.В.* Чжан Вэньму: философия на острие ножа // Общество и государство в Китае. 44-я научная конференция. Т. XLIV. Ч. 1. — М.: ИВ РАН, 2014. — С. 307-314.

¹²³ Резник Ю.М. Указ. соч. — С. 13.

¹²⁴ Там же.

7. Николаева Е.В. В поисках утраченной идентичности: Россия в пространстве массовых коммуникаций // Стратегии России в историческом и мировом пространствах. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 5 июня 2009 г.) / Под ред. С.С. Сулакшина и др. – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 323-338.
8. Перцова В. Сила ветра и солнца. «Чистая» энергетика Китая стала мощнее всей российской электроэнергетики [Электронный ресурс] // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/352569-sila-vetra-i-solnca-chistaya-energetika-kitaya-stala-moshchnee-vsey-rossiyskoy> (обращение – 14.04.2019).
9. Резник Ю.М. Человек и его цивилизационная идентичность (введение) // Вопросы социальной теории. – 2018. – Т. X. – С. 5-14.
10. Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 8-17.
11. Степин В.С. Проблема ценностей в контексте диалога культур // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12-13 мая 2011 г. Т. 1: Доклады. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 153-156.
12. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
13. Сюй В. Российско-китайское сотрудничество и информационная безопасность в новую интернет-эпоху // Международная жизнь. Специальный выпуск: Россия и информационная безопасность. – 2017. – № 13. – С. 145-150.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 603 с.
15. Ячин С.Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. V. – С. 149-161.
16. Rachman G. *Easternisation: War and Peace in the Asian Century*. – London: Bodley Head, 2016. – 288 p.
17. Woo R. *China's Solar Power Capacity More than Doubles in 2016* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-solar/chinas-solar-power-capacity-more-than-doubles-in-2016-idUSKBN15J0G7> (обращение – 14.04.2019).
18. Zheng S. *China Flips the Switch on World's Biggest Floating Solar Farm* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2096667/china-flips-switch-worlds-biggest-floating-solar-farm> (обращение – 14.04.2019).

BIBLIOGRAPHY

1. Balibar E. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti* / E. Balibar, I. Vallerstajn; Per. s fr. pod red. O. Nikiforova i P. Hitskogo. – М.: Logos, 2004. – 288 s.
2. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* / Per. s angl. pod red. V.L. Inozemtseva. – М.: Logos, 2005. – 390 s.
3. Gritsanov A.A. *Ot kultury k metakulture: iz teni v svet* // *Voprosy sotsialnoy teorii*. – 2011. – Т. V. – С. 162-169.
4. Marks K. *Manifest Kommunisticheskoy partii* / K. Marks, F. Engels // Marks K. *Sochineniya*. Т. 4 / K. Marks, F. Engels. – М.: Politizdat, 1955. – С. 419-459.
5. Migunov N.I. *O teoreticheskikh osnovaniyakh kitayskoy kontseptsii «geotsivilizatsionnogo kontinuuma»* / N.I. Migunov, O.V. Migunova // *Vek globalizatsii*. – 2017. – № 2. – С. 20-36.
6. Migunova O.V. *Chzhan Venmu: filosofiya na ostriye nozha* // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 44-ya nauchnaya konferentsiya*. Т. XLIV. Ч. 1. – М.: IV RAN, 2014. – С. 307-314.
7. Николаева Е.В. В поисках утраченной идентичности: Россия в пространстве массовых коммуникаций // Стратегии России в историческом и мировом пространствах. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 5 июня 2009 г.) / Под ред. С.С. Сулакшина и др. – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 323-338.
8. Перцова В. Сила ветра и солнца. «Чистая» энергетика Китая стала мощнее всей российской электроэнергетики [Электронный ресурс] // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/352569-sila-vetra-i-solnca-chistaya-energetika-kitaya-stala-moshchnee-vsey-rossiyskoy> (обращение – 14.04.2019).

9. Reznik Yu.M. Chelovek i ego tsivilizatsionnaya identichnost (vvedenie) // Voprosy sotsialnoy teorii. – 2018. – Т. X. – С. 5-14.
10. Stepin V.S. Globalizatsiya i dialog kultur: problema tsennostey // Vek globalizatsii. – 2011. – № 2. – С. 8-17.
11. Stepin V.S. Problema tsennostey v kontekste dialoga kultur // Dialog kultur v usloviyah globalizatsii: XI Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya, 12-13 maya 2011 g. Т. 1: Doklady. – SPb.: SPbGUP, 2011. – С. 153-156.
12. Stepin V.S. Tsivilizatsiya i kultura. – SPb.: SPbGUP, 2011. – 408 s.
13. Syuy V. Rossiysko-kitayskoe sotrudnichestvo i informatsionnaya bezopasnost v novuyu internet-epohu // Mezhdunarodnaya zhizn. Spetsialnyy vypusk: Rossiya i informatsionnaya bezopasnost. – 2017. – № 13. – С. 145-150.
14. Hantington S. Stolknoenie tsivilizatsiy. – М.: AST; SPb.: Terra Fantastica, 2003. – 603 s.
15. Yachin S.E. Metakultura – mesto tvorchestva lichnosti na granitse kulturnyh sred // Voprosy sotsialnoy teorii. – 2011. – Т. V. – С. 149-161.
16. Rachman G. Easternisation: War and Peace in the Asian Century. – London: Bodley Head, 2016. – 288 p.
17. Woo R. China's Solar Power Capacity More than Doubles in 2016 [Elektronnyy resurs] // URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-solar/chinas-solar-power-capacity-more-than-doubles-in-2016-idUSKBN15J0G7> (obrashchenie – 14.04.2019).
18. Zheng S. China Flips the Switch on World's Biggest Floating Solar Farm [Elektronnyy resurs] // URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2096667/china-flips-switch-worlds-biggest-floating-solar-farm> (obrashchenie – 14.04.2019).

Поступила в редакцию 14.04.2019 г.